

Прот. Н. ДРОЗДОВ

Около полового вопроса

Известный публицист В. В. Розанов щедрою рукою наполняет ныне книжный рынок плодами своих трудов. В сравнительно короткий срок он выпустил в свет солидную книгу: «Темный Лик», а за ней вслед вторую ее часть: «Люди лунного света» — потом «Русскую церковь» и потом книжицу «Л. Н. Толстой и русская церковь». На страницах «Странника» сказано нечто в свое время о «Л. Н. Толстом и Русской Церкви» в связи с другими книгами и брошюрами о графе¹. В настоящий же раз позволим себе остановить внимание читателя на труде г. Розанова «Люди лунного света».

Товарищи г. Розанова по «Новому времени» — гг. Ст-н и Эль-Эс² отозвались о «Лунном свете» с похвалами. Один назвал книгу «замечательной, — довольно исчерпывающей вопросы пола, его извращения и странности, — монографией». Другой, Эль-Эс, причислил книгу «к оригинальным», со смелыми, иногда звучащими парадоксальностью, мыслями, со множеством творческого и спорного, но еще более — яркого, выхваченного из религии жизни» («Н<овое> вр<емя>» от 26 окт.).

И мы со своей стороны сказали бы, что в книге г. Розанова есть чистое зерно, но не мало и плевел, есть в ней — удобоваримый хлеб, но попадаются и неудобоваримые камни. Самый тон книги дышет какой-то вызывающей аподиктичностью, местами — грубо до неприличия. Автору вот так и хочется, по-видимому, сказать всякому протестанту: «Шире — грязь, — едет князь!». Не угодно ли послушать, как он расправляется с исповедниками иной, не розановской веры: «Вот дурак. Да чем животные плохи?».

Дураком он назвал г. Фози, приславшего ему брошюру: «Брак и нравственная личность» (с. 114)³. Или: «проклятые содомляне клира и юриспруденции», — «собаки из-под золотых маковок Москвы» (с. 125). Еще: «О, дубинное рассуждение» все того же

Фози — автора брошюры, написанной по аттестации г. Розанова, с «дево-содомским жаром» (с. 138). И еще: «О, гады, детоубийцы, Ироды, Скублинские» (с. 144). Или: «тупоголовое предположение Шопенгауэра» (с. 148), «Пошлые медики, болваны» (с. 172), «Вранье — Толстого, Соловьева, Фози и преп. Моисея Угрина»⁴ (с. 182). «О, семинарщина, о, глупая семинарщина! И еще туда же — философствует» (с. 21). Розанову хотелось тут зажать рот почтенному о. М. И. Хитрово⁵. Другие батюшки представляются Розанову каким-то презрительным прахом: он величает их либо «попиками», либо «отцами духовными», но в кавычках.

Конечно, в объяснение столь страстного, столь коробящего тона можно сказать, что «судия воздаст коемуждо по делу его», что «правда и всегда — не масло, а нож острый». Так-то оно так, но ведь и ножом можно резать с осторожностью, а можно «кромсать» с диким азартом... Гневаться — подобает, но так, чтобы и не согрешать. Грубый гнев — не всегда показатель чистой правды. Подлинному философу, каковым можно считать г. Розанова, подобало бы судить о целом сословии или даже о целых условиях, как равно и об отдельных представителях сословий, поосторожнее, помягче, наблюдая известный афоризм — «*sine ira et studio*»*. Едкий тон книги оттолкнет от нее читателей серьезного типа. О тоне, впрочем, довольно; перейдем к содержанию сердитой книги.

Содержание книги довольно пестрое. Если привести все заголовки книги, то запестрит в глазах. Чего-чего тут нет! И бородастые Венеры древности, и «подвижники раннего христианства», и «священные блудницы», и «прослойка содомии у Л. Толстого и Вл. Соловьева», и «случай, будто бы перерождения юноши в девушку и женщины в мужчину», и «бессупружное супружество», и царство «бессеменных святых и преп. Моисей Угрин», и великое множество иных, на вид пикантных тем, способных, вероятно, привлечь к себе внимание любителей легкого, с остреньким ароматцем, чтения. Спешим, однако, предупредить этих любителей, что не в их вкусе написана книга. Пикантны только темы, но раскрытие их сплошь и рядом непроглядно темно и темно. Наломашь голову уже над одним предисловием к книге, невзирая на его краткость. В нем автору угодно было наставить точек чуть ли не столько, сколько начертано слов, а между точками вкратить намеки на рассуждение о том, почему и для чего Бог сделал, чтобы нельзя было понять божественного писания,

* Без гнева и пристрастия (*лат.*).

или чтобы всякий понявший сходил с ума и уже тогда ничего не мог рассказать, и что — «лучше померкнуть уму, чем погаснуть жизни». Прямого ответа на вопрос о непонятности Откровения — предисловие не дает. По-видимому, ответ должен состоять в том, что ограниченному существу нельзя вместить в себя неизглаголанную полноту существа беспредельного, да и нужды нет понимать все тайны. Какая нужда больному понимать сущность чудотворного исцеления его болезни у чудотворной иконы? Не довольно ли ему знать, что Бог дал иконе чудотворную силу, и что всякий просящий с верою приемлет просимое.

Все это — так, все это — правда, но какое же отношение имеет эта правда к «людям лунного света», понять затруднительно, не владея умом, равносильным философскому уму автора.

Столь же неудобопроходимы дебри во внутренностях книги. Вот пример: «происхождение урнингов происходит (?) от пролетания уже родителей по тому отсеку мирового круга или мирового эллипсиса, по коему движется весь пол *summa sexus* (колесо Иезекииля)», что «содомия — в афелии и перигелии этого эллипсиса, в его сужениях, в носике мирового яйца, а рождение (норма) в его боковых длинных сторонах», или, что «феномен пола, бурно пробиваясь к осуществлению, сотрясает нервными и психическими страданиями ту органическую среду, в которой появился, ибо пол — всегда центр, всего — зерно» (с. 150–151)...

От таких головоломок затрептит любая голова; а их в книге — не занимать статью! На долю легкомысленных читателей из книги упадут разве малые крупички: анекдотическая часть книги — некоторые «факты» из медицины, из Фореля⁶, Крафт-Эбинга, в главе «Колеблющиеся напряжения в поле» — развязная критика жития преп. Моисея Угриня, да пара-другая ошеломляющих, ошарашивающих афоризмов вроде таких: «До чего духовенство не понимает даже грамоты тех предметов, о которых пишет, и все между тем старается изъяснить» (с. 7); или: «Культ старых дев есть маринад из похоти мужские и похоти женские, который квасится в собственном уксусе вместо того, чтобы давать лозу» (с. 16). И еще: этих — необычных афоризмов: «Божия Мать — Монахиня, и рожденный Ею — Монах — без пострига, без формы (какой-то), без громких слов, без чина исповедания» (разве у Иисуса Христа не было исповедания?)... Можно, пожалуй, дописать до того, что внесешь «в формуляр» Богочеловека, что Он был «личный почетный гражданин города Назарета»!

Что касается названия книги — «Люди лунного света» — то оно дано ей потому, что в ней много каленых стрел выпущено в

монашество, в аскетизм, в девственность, в безбрачие, в те состояния, которые любят луну — этот символ грез, «вечных» обещаний, томлений, ожиданий, уединения, чего-то спиритуалистического, не-рождающего, монашеского, девственного... Супругам в ум будто бы не приходит смотреть на луну. Совсем другой у них колорит любви: супруги любят солнышко — ясное, пекущее, выгоняющее из земли траву, из стволов древесных — сладкую камедь (сок), и цветы, и плоды... «Солнце — супружество, солнце — факт, действительность» (с. 9–10). Впрочем, автор «лунного света» готов почитать и монашество: «почтим монастырь», но скажем им: «не наводите грим скорби на лица свои, и не разыгрывайте театра скорби с комедией в душе. Прекрасна и скорбь, но — настоящая, прекрасны и удовольствия, если они не переходят “в свинство”, по каковому чину будто бы свойственно веселиться *христианам*, в противоположность “эллинам”» (с. 24)... Как будто «удовольствия» эллинов никогда не переходили «в свинство», в мерзость! Достаточно прочитать первую главу послания к Римлянам, чтобы видеть, до какого «непотребства» доходили люди, величавшие себя «мудрецами» в дохристианском мире... Не отрицаем, однако, возможности и для иного христианина, омытого в купели крещения, вновь загрязнить свою душу «калом тинным», мерзостями греха. Ужасающий блудник — кровосмесник явился как раз среди эллинов — в Коринфе...

Воспевая гимны «религии плодородия и только плодородия — у Моисея, у евреев и Израиля», г. Розанов просто-таки издевается над девственницами. Не довольно было ему приравнять их к «маринаду из смесей похоти», он изобрел для них и еще нелестную кличку «старые мухоморы», от яда которых — через мглу веков — произошли каким-то чудом “мухоморы” наших садов и бульваров, бегающие с высунутыми языками за гимназистами, студентами, столоначальниками» (с. 16)...

Апологету чадородия и плодородия думается, что сущность райской катастрофы состояла в том, что змей задумал поманить Еву, вопреки Божией воле о размножении людей, особым путем, путем урнингства — ненарушимого девства, монашества, как бы путем Моисея Угрина и подобных... «За отлагание воли Божией о размножении прародители и претерпели наказание, а поспеши они исполнить волю Божию, по всему вероятно, избежали бы изгнания»... «И только уже за дверями рая они стали “стирать главу змия”, т. е. плодиться»... Новый экзегет полагает, и с твердостью, что слова Библии о семени жены — «перевраны» (какая речь!) в русском и славянском переводах (с. 180)...

С недопускающей возражений прямолинейностью он утверждает все в том же направлении, что «многоженство считалось — будто бы — священное одноженства... Бог всячески лелеял и ласкал многоженных Авраама, Иакова, а одноженный Исаак был “так себе” у Бога»... «Да и понятно: если *женность* — хорошо, то *многоженность* — лучше *одноженности*, как пять лучше, больше единицы, как полководец, выигравший три сражения, лучше выигравшего одного»... (с. 14). Ну, на арифметических-то аналогиях можно ведь залезть в трясины: «выпить одну рюмку водки или вина “стомаха ради” — хорошо; две — лучше; а двадцать две — совсем восторг»... А вино ведь не проклято Богом, а благословенно для употребления; однако... многопитие, увы, печальнее малопития!..

С точки зрения заповеди Божией о размножении человечества путем рождений гроша, по нашему мнению, не стоят все эти восторги пред священными блудницами, пред «*sainte prostitute*» Египта... Какой же «плод» может вырасти на обеспложенном ядом проституции дереве? Кто надеется вырастить хотя бы тощий злак на заезженной дороге?.. Если верить г. Розанову, то египтяне будто бы не гнушались вступать в браки с этими «всемирными невестами» после того, как они в бурной молодости «испили все», «насытились» всем в дни свобод, по нашему бы сказать — в дни безудержного распутства, — «блуда». Египтянам казалось, что эти «бывшие водопады» распутства, эти отставные, «священные блудницы» превратятся в замужестве в тихие ручейки — в «верных жен», в любящих «матерей» (с. 47, 48, 87, 88)... Евреи *иначе* о них думали: «позорная жена — гниль в костях мужа», — «земля трясется и не может перенести, когда позорная женщина выходит замуж» (Прит. XII, XXX)... Среди сынов Израиля не должно быть ни блудниц, ни блудников... Прелюбодействовавшая дочь жреца сжигалась огнем — за бесчестие отца (Втор. XXIII; Лев. XXI)... Розанов отыскал «в комнатах» Иерусалимского храма «священных блудниц» (с. 87)... А вот д-р А. А. Пясецкий, автор книги «Медицина по Библии и Талмуду», нашел, что законодательство евреев строжайшими мерами искореняло проституцию, стремясь к аболиционизму — к уничтожению этого постыднейшего «рабства», в когтях которого гибли молодые жизни блудниц и блудников...

Вопреки моралистам, г. Розанов кричит, будто девицы рожают *не* в силу разврата, а в силу неодолимого влечения к материнству, в исполнение воли Божией и закона природы (с. 163). Может быть, и так, а может быть, и совсем не так: разве не существует нигде этих отвратительных и ужасающих абортов,

вытравлений плода, этих поспешных «спихиваний» «желанных» малюток в чужие черствые, холодные руки? Где тут материнство?

Отдает парадоксом утверждение г. Розанова, будто «христианство растлевают своими браками семью», будто оно «потрясло очаги рождения», «разрушило недра мира», как бы «прокололо иглой мировой зародыш», «зародышевую сущность мира» (с. 67, 118). Подумаешь, что И. Христос приходил на брак в Галилейскую Кану не с радостью и с милосердием, а с угрюмым челом и с хирургическим ножом или иглой, чтобы прокалывать мифический мировой зародыш! И как будто это не христианский, а эллинско-языческий апостол говорит: «Вдавая браку свою деву — добре творить?»

Парируя эти события и речи, г. Розанов указывает на *двойственность* в отношениях христианства к браку: оно то благословляет брак, радуется брачному соитию мужа и жены, то переносит свое благоволение к скопчеству, к вечной девственности, указывая на Христа как единственный объект истинной любви, предпочтительный перед отцом, матерью, сыном, дочерью. «Отрекись от всего, иди за Мною, люби Меня одного» — вот чего требует Христос! Что сказать в защиту брака?

Да то же самое, что можно сказать о любви к себе и ближним: себя нужно любить, но бывают моменты, что требуется принести себя в жертву за благо ближнего, «положить душу свою за други своя»... Христианство признает брак великой священной тайной, но выше этой святости оно полагает иную святость — любовь ко Христу, жениху возлюбленному каждой человеческой души... И если семья налагает путы на душу, возлюбившую Христа, то эти путы не грех и разорвать: нельзя же двум господам сразу служить!

Едва ли засим справедливо называть «вилянием» христианства, если оно не обязывает всех и каждого непременно вступать в брак: «могий вместити да вместит!» Вот его справедливый принцип. Не у всех людей есть склонность к брачной жизни, не все одарены силами устроить в должном порядке очень сложный семейный очаг. Не у каждого характер покладистый, способный на компромиссы, которых ведь может потребовать семья. Достаточно здесь вспомнить «уход» Толстого из семьи: встречай семья лаской, приветом, согласиём всякое новшество в глазах главы семьи, Толстой никогда не покинул бы родного гнезда... Есть немало профессий, где продуктивнее может работать бессемейный человек, чем человек, обремененный семьей. И я положительно не понимаю, на каком основании Розанов «злится» на

преп. Моисея Утрина, когда тот сказал то, что имел право сказать: «Пусть все праведники спаслись с женами, а я не могу спастись с женой!» Розанов называет преподобного «глупым», «злым» монахом («продолжи монах *глупую* мысль свою»; «на что монах злится?») за то, что он ссылается на исторические примеры гибели мужей из-за жен. Но знает ли он, Розанов, что в священной Библии есть «повесть» на тему о том, «что всего сильнее на свете»? И что в этой повести о женах, между прочим, сказано: «Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них, многие погибли и сбились с пути, и согрешили через женщин». В этой же «повести» говорится о глупом положении Царя, в какое его поставила царская наложница (II Ездр. IV). Что же, преподобному Моисею следовало знать только заповедь о размножении, а эту повесть той же священной Библии пропустить мимо ушей?

Удивительно слышать от г. Розанова о *женоненавистничестве* преподобного, а в связи с ним — и о *кулаках* церкви, поднятых на жену и мать (с. 176). Неужели отказ Моисея Утрина удовлетворить похоть блудной жены есть уже ненависть к женщинам? Помилуй Бог, какая хромая логика! «Не могу, значит, ненавижу». Не может слабый глаз переносить света, значит, он ненавидит свет?! Не хочу я есть поросятину в постные дни — значит, ненавижу ее? Старые мехи не переносят нового вина — рвутся от него — но ведь не от ненависти к нему...

Ясно, что зарапортовался чуточку развязный недруг девства! А откуда он вытащил кулаки церкви против жен, уже вовсе непонятно! Язык без костей: он может сказать, что «не было примера, чтобы церковь подняла протест против кулаков»... Можно еще сказать, что все протесты церкви против грубых взаимоотношений между супругами оставляются каменными сердцами без внимания, но — благословление кулаков церковью... Это злая выдумка про родную мать!

Кулаки церкви всегда поднимались и поднимаются против блуда и прелюбодеяния. В этом пункте оба завета сходятся вопреки утверждению г. Розанова, будто Ветхий Завет благословлял *всякие* «тяготения» к женщине, — и едва ли есть надежда на разрешение свободной (своеохотной) преданности, по-нашему — разврату *всех* незамужних и зрелых женщин (с. 177). Мы верим, что всегда найдутся государства, которые станут требовать от подданных законного брака вместо «своеохотных» сожительств мужчин с женщинами, сколько бы ни кричали новаторы, что такие государства «глупы» (с. 178), ибо-де они не верят в «предрасположения» иных не к браку, а к проституции... Мало

ли ведь к чему, к каким гадостям, предрасположен иной субъект: иного природа его злая влечет, как Каина, к братоубийству, другого — к предательству, третьего — к беспробудному пьянству... Государство должно над всеми этими лицами держать руки в благословляющем положении?! «Естественно, мол, посему — блудите, чада мои!» «Пусть душа ваша будет мерой: стыдно вам, воздержитесь, не стыдно — разрешайте на все»!.. Розанов не пощадил и себя, лишь бы отстоять свободные связи между полами: «Я — нравственный человек, — говорит он о себе, — до супружества и в супружествах нарушал, скажем проще, седьмую заповедь, но ни малейшего угрызения совести не чувствовал, ни малейшего греха, ничего позорного» (с. 124)... Ну, это еще — не важный аргумент: «Я — не чувствовал!» Страсть ослепила глаза, ну и не видит человек света Божьего... Страдалец Христос мучился жаждой на кресте, а «злые псы» около Голгофского страдальца млеют от радости, что тает в муках ненавистная им жизнь...

В погоне за доказательствами «святости» всякого соития г. Розанов договорился до того, что самую душу человеческую поместил в том месте, которое обычно прикрывается фиговым листком (с. 37–38). Половая деятельность есть, по нему, самая спиритуалистическая, прекрасная, духовная, этическая, метафизическая, чудная, святая (с. 114, 132)... Да, так, так, — но при условии все же законного брака, так как в эту деятельность входит и «страстно-любовный элемент», который без регулятора приведет к мерзостям. Примеры бывали!

Напрасно г. Розанов повторяет, будто церковь с каким-то жеманством и возведением «глазков» к небу стыдится назвать полным именем цель брака, будто она ведает только «гармонию душ» брачующихся, забывая о нуждах тела (с. 92)... Очевидно, порицатель церкви просто-таки не читал чина венчания, где обильно говорится о «чадотворении», «доброчадии», «единомыслии душ и телес», о погашении браком «плотского разжжения»... Но довольно, довольно!

В конечном итоге получается, что «люди лунного света» годятся, пожалуй, для людей «познавших» жизнь, а неискушенные жизнью люди могут этим «лунным светом» обжечься до боли. Пусть уж будут осторожны...

